

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ЛОКАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ – МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА

М. Брюкнер

Факт семейного насилия над женщинами ни для кого не является секретом. Международное женское движение сделало его достоянием общественности, и, начиная с 1970-х годов, в государствах Запада, а с 1989-го года – также и в государствах Восточной Европы – появилось множество учреждений, с этим связанных. В рамках Европейского Союза существует постоянно растущее количество сетей, работающих в направлении предотвращения насилия и оказывающих поддержку в проведении соответствующих исследований.

Ключевые слова: семья, насилие над женщинами, национальная политика, международные проекты, женское движение, социальная работа

Около 30 лет исследований, главным образом в западных пост-индустриальных обществах, показывают то, что в анализе насилия над женщинами важно различать культурно обусловленное индивидуальное (или групповое) притеснение со стороны мужчин и случаи, когда насилие стало возможным благодаря действию социальных структур, базирующихся на гендерном неравенстве. Следовательно, иерархические семейные отношения и личное поведение мужчин – это один аспект проблемы, а структурная социальная установка – другой. Масштабы гендерного насилия могут интерпретироваться как следствие иерархического построения гендерных отношений, которое, как видно, оправдывает личное и сексуальное подчинение женщин, а в крайних случаях – даже насилие. Без этой структурной составляющей насилие

Впервые опубликовано: Brückner M. Domestic Violence: Local Activities – International Issue // Social Work & Society. 2006. Vol. 4 № 1 // <http://www.socwork.net/2006/1/articles/brueckner>. Перевод и публикация осуществлены с любезного разрешения автора и издателя.

над личностью не исчезло бы сразу, но потеряло бы свою социальную и культурную подоснову. Комплексность проблемы гендерного насилия требует формирования теоретической базы анализа индивидуальной агрессии (главным образом со стороны мужчин) и положения стороны, страдающей от насилия (главным образом женщин) на протяжении долгих лет, на фоне изменяющихся структурных и культурных условий, включающих многогранные связи и разрывы между данными предпосылками и индивидуальными социальными практиками.

Насилие в семье как международная социальная проблема

Особой популярностью в английском языке пользуется пословица «мой дом — моя крепость», означающая, что частная сфера должна оставаться приватной и вмешательство посторонних здесь недопустимо. Легитимность частной сферы исторически является достижением буржуазных обществ, поскольку предполагает сокрытие от государственного контроля. Но в рамках иерархической гендерной структуры такая защищенность от наблюдения является залогом «невидимой» и, в самом худшем смысле, неограниченной власти доминирующего гендера — мужчины, являющегося (официально или неофициально) главой дома.

В 1970-х годах началось международное женское движение под лозунгом «Личное есть политическое». Целью его было предать гласности то, что случается с женщинами в частной сфере. Нарушив негласное убеждение «держат в семье дела семейные», женщины вынесли на суд общественности проблемы физического, психического и сексуального насилия. Таким образом, международное женское движение не только предало гласности факт домашнего насилия над женщинами, но и придало ему статус проблемы прав человека.

Четвертая международная конференция Организации Объединенных Наций по проблемам женщин, прошедшая в 1995 году в Пекине, постановила, что, «насилие над женщинами — проявление исторически неравных властных отношений между мужчинами и женщинами» [United Nations, 1996. P. 75] и определила насилие над женщинами как «любой акт гендерного насилия, который привел или, вероятно, приведет к физическому, сексуальному или психологическому вреду или ущербу для женщин, включая угрозы, принуждение или произвольное лишение свободы как в общественной, так и в частной жизни» [Ibid. P. 73].

Европейский союз принимал участие в решении данной проблемы: насилие над женщинами осуждалось во всеуслышание, предпринимались разнообразные юридические и финансовые меры. Руководство ЕС, Европейская комиссия приняли программу кросскультурного исследования и утвердили программу по предотвращению и борьбе с насилием

в отношении детей, молодежи и женщин (Дафна). В связи с этим ЕС финансирует следующие проекты:

- с 2001 года «Женщины против насилия в Европе» (Women against Violence Europe = WAVE). В Вене располагается офис Европейского информационного центра, координирующий работу около двух тысяч организаций (убежищ и центров помощи для женщин);
- с 2005 года специальная программа для неправительственных организаций «по превентивной поддержке гражданского общества» в десяти новых государствах-членах ЕС.

Государства – члены ЕС уже предприняли различные более или менее далеко идущие действия против насилия над женщинами. Например, в 1999 году немецкое правительство приняло «План действий по борьбе с насилием над женщинами» [BMFSFJ = Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend, 1999], предполагающий реализацию ряда превентивных и законодательных мер, сотрудничество между государственными учреждениями и неправительственными организациями; стартовую поддержку сети неправительственных организаций, имеющих дело с правонарушителями; обучение профессионалов и международное сотрудничество. Каждый пункт данного плана может служить отправной точкой. В первую очередь здесь следует отметить новый закон, позволяющий пострадавшим от домашнего насилия оставаться у себя дома ¹.

Европейским Советом в 1997 году была сформирована группа экспертов по проблемам насилия над женщинами и организованы конференции по данной теме, что явилось знаком одобрения позиции ООН по этому вопросу применительно к Европе.

Как видим, в последнюю декаду XX столетия международному женскому движению удалось привлечь внимание международной общественности к проблеме насилия в семье и получить определенную финансовую и юридическую поддержку, что явилось важным шагом в борьбе за права женщин в семье.

Факты

Исследования последних 25 лет, главным образом в западных постиндустриальных обществах свидетельствуют, что семья является ключевой сферой проявления насилия над женщинами. Согласно исследова-

---

¹ Речь идет о принятом в 2002 году «Законе о повышении качества защиты граждан в случаях насилия, домогательства и о предоставлении пострадавшим возможности оставаться в доме, принадлежащем семье, с целью изоляции конфликтующих сторон». Закон предоставляет женщинам, пострадавшим от насилия в семье, право оставаться у себя дома (в случае, если они сами этого хотят) и обязует мужчину-агрессора покинуть жилье. До принятия этого закона женщинам и детям приходилось спасаться бегством, в то время как мужчины-обидчики оставались дома.

тельским данным, собранным в различных государствах Европейского Союза, а также в США и Канаде, приблизительно в 10–25 % браков / незаконных связей (в зависимости от того, что понимается под жестоким обращением) имеет место насилие; в 5 % случаев встречаются особо жестокие формы насилия. В основном это касается широко распространенного насилия мужчин над женщинами. Обратная ситуация наблюдается значительно реже (явные следы побоев у мужчин встречаются крайне редко) [Schrötle, 1999]. Итогом репрезентативного исследования Рене Ремкенс, проведенного в Голландии, стала дифференцированная картина насилия над партнером [Römkens, 1997. P. 111]. До 5 % респондентов засвидетельствовали существование взаимных форм насилия (в 4 % случаев – без телесных повреждений), 21 % опрошенных сообщили о проявлениях насилия со стороны одного партнера. «Одностороннее» насилие, выявленное Ремкенс, проявлялось в двух формах: «легкой» – например, пощечина, оплеуха один-два раза в год в определенных обстоятельствах (в 15 % случаев частота повторения подобных актов насилия не возрастала); и «тяжелой», когда женщины периодически подвергались «избиению, пинкам, ударам кулаками и предметами, удушению, а также угрозам применить оружие или непосредственно насилию с применением ножа или огнестрельного оружия», следствием которых были телесные повреждения, требующие медицинского вмешательства [Ibid. 1997. P. 100]. Акты насилия, учащаясь, уже не имели определенной причины и проявлялись в иных формах контроля и применения силы (от сексуальных до садистских), что вызывало у женщин страх перед партнером – причем страх как остаться с ним, так и уйти (6 %).

Эта последняя форма может рассматриваться как часть «цикла насилия», описанного Ленор Уолкер [Walker, 1984]: часто повторяющиеся акты жестокого насилия сменяются периодами затишья, что приводит женщин в состояние «знакомой беспомощности» и не позволяет им осуществлять какие-либо действия. Но состояние оцепенения, характерное для некоторых женщин, должно расцениваться и как механизм выживания: известно, что наиболее опасным для женщин, подвергшихся насилию, является период разрыва отношений с партнером. Есть много причин оставаться в опасной ситуации – например, ощущение себя ответственной за семью. Насилие приводит к потере самоуважения, поэтому «решение остаться» не должно быть интерпретировано лишь как особенность личной установки женщины.

С целью осмыслить различные формы насилия (особенно сексуального) и различные стадии женского самосознания Лиз Келли [Kelly, 1988] разработала «понятие континуума насилия». В ходе исследования, проведенного в Великобритании с женщинами, подвергшимися насилию в семье, было обнаружено, что многие из них пришли к пониманию произошедшего лишь после выхода из опасной ситуации. Они реинтер-

претируют собственный опыт в иных выражениях, прежде чем охарактеризовать его термином насилие. Полученный опыт неуважительного отношения со стороны партнера к собственной физической, психической и сексуальной целостности был настолько «опутан» культурными установками и не соответствовал общественным стереотипам об изнасиловании или избиении, что женщины какое-то время расценивали случившееся с ними как судьбу или как норму. Таким образом, определение актов насилия и правонарушений, особенно в частной жизни (где интимная сфера является составляющей личных взаимоотношений), зависит от культурных конструктов, исторического контекста и всегда содержит вопрос о том, у кого в данном случае есть право давать определения, а у кого – нет.

Ярким примером (в аспекте конструирования социальной реальности) является алкоголь. Социальная установка на то, что индивид не несет ответственности за свои действия, находясь в состоянии алкогольного опьянения, играет важную роль в снисходительном отношении и оправдании мужского насилия над женщинами [Egger et al., 1995]. До тех пор пока женщины хотят или вынуждены оставаться с партнером, они разделяют подобную точку зрения. Например, они воспринимают своего партнера одновременно в роли жестокого пьяного мужа и трезвого заботливого отца, что приводит к формированию культурного образа двуликого мужчины (мистер Джекилл и доктор Хайд). Уберечь партнера от пьянства считается культурной обязанностью женщины; самоотверженная любовь жены якобы поможет мужчине избавиться от пагубной привычки. И наоборот, женщины полагают, что мужчина продолжает пить потому, что его партнерша не достаточно заботится о нем и о семье. Христианская религия играет важную роль в конструировании подобного идеала семейной жизни.

Кроме насилия по отношению к партнеру, существуют и иные, заслуживающие отдельного внимания, формы насилия в семье: насилие над детьми, над инвалидами и пожилыми людьми.

Таким образом, домашнее насилие над женщинами – явление мирового масштаба, имеющее различные формы и основанное на традиционных представлениях о роли мужчин и женщин.

Теоретическое понимание проблемы насилия в семье

С целью подвести предварительный итог моих рассуждений и перейти к теоретическому осмыслению проблемы, приведу в пример случай, произошедший в Гессе (Германия). 55-летний госслужащий органов правосудия покалечил свою жену молотком, сделав ее жизнь полностью зависимой от постоянного ухода со стороны окружающих, за то, что она хотела расстаться с ним после 34 лет мучений в браке. Со стороны он

выглядел человеком «правильным», обладающим чувством морального долга и всесторонне развитым. Но, согласно свидетельским показаниям теперь уже взрослого сына, отец регулярно бил жену. При этом оба партнера поддерживали на публике видимость счастливого брака: соседка засвидетельствовала, что пара имела обыкновение держаться за руки на прогулке, что, на ее взгляд, было удивительным после стольких лет брака. Принимая во внимание алкоголизм (частично снимающий ответственность с виновного), за попытку убийства суд приговорил его лишь к семи годам заключения [Frankfurter Rundschau, 1996].

Данный пример показывает, что насилие над женщинами встречается отнюдь не только среди представителей низшего класса. Зачастую оно носит латентный характер, поскольку женщины пытаются поддерживать видимость «нормальности» до тех пор, пока не найдут выхода для себя и своих детей. Очевидно, что попытка расставания может быть опасна и что правовая система «делает поправки» на алкоголизм. Еще одно важное обстоятельство: все свое детство сын был свидетелем насилия — но даже будучи свидетелями, а не жертвами, дети всегда страдают от насилия в семье [Kavemann, 2000]. Для таких детей характерны нарушения в поведении, физические или психические проблемы со здоровьем: они нуждаются в специальной педагогической или психологической помощи профессионалов. Пагубное влияние насилия в семье на подрастающее поколение должно находиться в фокусе внимания законодательных органов и организаций сферы социальной работы. Мужчина, жестокий по отношению к своей партнерше, не может быть хорошим отцом до тех пор, пока он не прекратит насилие и не пересмотрит свое поведение, пагубно влияющее на его детей.

В ходе анализа насилия над женщинами и детьми важно дифференцировать культурно обусловленное притеснение со стороны мужчин и образ действия социальных структур, основанных на гендерном неравенстве, который делает это притеснение возможным [Brückner, 2002]. Последнее ведет к тому, что многие формы мужского насилия не воспринимаются как таковые, правонарушителям нечего бояться, и они крайне редко чувствуют свою вину [Godenzi, 1996]. Вследствие этого иерархические семейные отношения и личное поведение мужчин и женщин являются одним аспектом проблемы, а структурная социальная установка — другим. Оба аспекта («человеческие действия и объективные структуры») должны подвергнуться изменениям с целью дать женщинам гарантию реализации их человеческих прав [Becker-Schmidt, 1985. P. 94].

Широкое распространение насилия может рассматриваться как крайняя форма проявления иерархической структуры гендерных отношений, оправдывающей личное и сексуальное порабощение и в некоторых случаях — даже насилие над женщинами. Кэрол Хагеманн-Уайт [Hagemann-White, 1997] объясняет это следующим образом: специфика

гендерного насилия такова, что правонарушитель действует при своем абсолютном преимуществе как структурно более сильный субъект. Без этой структурной составляющей насилие над личностью не исчезло бы сразу, но потеряло бы свою социальную и культурную подоснову. Результаты кросскультурных исследований свидетельствуют о взаимосвязи относительного гендерного равноправия и сравнительно низкой степени гендерного и межпоколенного насилия и наоборот [Levinson, 1988].

Это открытие подтвердилось репрезентативным исследованием, проведенным в Швейцарии [Gillioz, 1997], в ходе которого было выяснено, что мужское насилие связано с привилегированной позицией и убежденностью мужчин в собственном превосходстве, вплоть до идеи владения женой (включая ее тело) и обладания правом управлять ее действиями. Это означает, что большинство мужчин-агрессоров убеждены в законности своего превосходства над женщинами.

Так как оба партнера играют важную роль в выстраивании отношений (doing gender – «создании гендерной идентичности»), что влечет за собой социальные практики воспроизводства иерархической структуры, необходимо рассмотреть и традиционный образ женщины. По традиции роль женщины сводится к ответственности за счастье семьи и удовлетворенность мужа: предполагается, что это только ее обязанность, требующая от женщины отбросить собственные интересы во имя служения интересам других [Brückner, 2000]. Основная «функция» женщины – любить и заботиться о муже (и семье) – делает ее зависимой; при этом остальные члены семьи становятся зависимыми от нее самой. Но поскольку отношения остаются иерархическими, мужчина-обидчик, ощущающий свою зависимость, будет склонен к проявлению еще большей агрессии [Godenzi, 1996].

Итак, комплексность проблемы гендерного насилия требует формирования теоретической базы анализа индивидуальной агрессии (главным образом со стороны мужчин) и индивидуального терпения страдающих от насилия (главным образом женщин) на протяжении долгих лет, на фоне изменяющихся структурных и культурных условий, включая индивидуальные социальные практики формирования гендерной идентичности. Решение проблемы насилия над женщинами требует формирования новой концепции гендера и поколения, базирующейся на принципах демократии.

Решение проблемы домашнего насилия на местном уровне

Деятельность международного женского движения, начиная с 1970-х годов и по настоящее время, имеет два направления [Brückner, 2002]:

1. Политические действия, такие как: демонстрации, митинги, распространение информации через СМИ, лоббирование.

2. Фундаментальные проекты поддержки женщин и детей: создание убежищ и консультационных служб.

Деятельность женских неправительственных организаций по борьбе с насилием в семье осуществляется по следующим направлениям:

- На политическом уровне: создается общественная ниша для женских проблем и учреждаются конкретные организации, в которые женщины могут обратиться за помощью; таким образом, с темы домашнего насилия снимается табу.

- На социальном уровне: предлагается помощь в общественных и личных кризисных ситуациях, особенно для женщин.

- На профессиональном уровне: открыты новые перспективы в области социальной работы и образования, сфокусированные на неиерархической организационной структуре; эмансипация формулируется в качестве профессиональной цели; предполагается применение методов, основанных на равенстве, саморазвитии, и подходов, ориентированных на женщин.

Например, в Германии существует около 400 убежищ (куда ежегодно обращаются приблизительно 45 тыс. женщин и детей), и еще большее количество консультационных служб [Deutscher Bundestag, 2001]. Однако многие из этих неправительственных организаций имеют нестабильное финансовое положение ввиду зависимости от государственных субсидий, решение о предоставлении которых принимается ежегодно.

Базовая структура функционирования женских убежищ довольно однотипна [Brückner, 1996]: они осуществляют кризисную поддержку новых клиентов – женщин и детей; применяют методику непрерывного индивидуального консультирования (по финансовым, социальным и личным вопросам); регулярно проводят собрания всех проживающих (с целью выяснить общие задачи и разрешить конфликты); заботятся о детях своих клиенток и зачастую работают в индивидуальном порядке с детьми, ставшими свидетелями или жертвами насилия в семье (чаще со стороны отцов, но нередко также и со стороны матерей), что привело к психическим расстройствам или неадекватности их поведения. Руководит убежищем команда профессионалов (главным образом, социальных работников). Такая властная структура характерна для убежищ во многих странах: ими управляет штат квалифицированных сотрудников, а не женские объединения, как планировалось изначально.

Большинство убежищ и консультационных служб являются частью региональных, национальных и международных сетей, что позволяет успешно преодолевать препятствия на пути достижения поставленных целей. Криста Вихтерих [Wichterich, 2000] обозначает непрерывный процесс организации данных сетей, характеризующийся колебаниями то в сторону локальных, то в сторону глобальных действий, термином «глокализация».

Вот как этот процесс протекал в Германии. Первое убежище было создано в Англии. В 1971 году женские сообщества Германии подхватили эту идею и в 1976 году открыли первое убежище в Берлине. Затем, по мере увеличения их числа в каждой из земель (Länder) была сформирована сеть убежищ в соответствии с федеральной структурой Германии. Позже национальные сети стали частью европейской сети WAVE [Kortendiek, 2001]. Для этих национальных и международных сетей характерна «сильная база» на местах, так как без реализации принципа солидарности и осуществления обмена идеями они превратятся (особенно в случае финансирования из средств государства) в бюрократическую структуру, не способную к решению реальных проблем. Согласно Беате Кортендик [Kortendiek, 2001], организация сетей (по сути своей, замечательная возможность) может превратиться в своеобразную ловушку в случае, когда модели «передового опыта» внедряются без учета местных условий. Необходимо также найти ответы на вопросы о том, кто полномочен определять то, какой именно опыт является передовым, и почему.

Во многих странах (например, во всех немецкоговорящих странах – Австрии [Fröschl, 2003], Швейцарии [Egger, 2004] и Германии [Kavemann et al., 2000]) новая концепция борьбы с насилием в семье начала развиваться после осуществления в прошлой декаде политическими деятелями и местными властями ряда мер, важнейшими из которых являются:

1. Разработка новых уголовных, гражданских законов – постановлений, обязывающих обидчиков (около 90 % из которых – мужчины) покинуть жилище и провозглашающих право пострадавших от насилия оставаться в доме.

2. Проведение общественных круглых столов и формирование местных коалиций против насилия в семье – объединение большого числа учреждений и агентств, занимающихся проблемами насилия в семье (организаций помощи женщинам, мужских организаций, работающих с правонарушителями, молодежных организаций, полиции, юристов), совместная работа которых до этого момента была невозможна в силу игнорирования организациями друг друга или даже вражды.

Однако все это не умаляет важности убежищ, поскольку количество женщин и детей, нуждающихся в укрытии, не сокращается. Значительно больше клиентов могут воспользоваться новыми услугами, в числе которых: предоставление убежищ для женщин, подвергшихся угрозам; превентивное (проактивное) консультирование (женщинам предлагается пройти консультацию после полицейского вмешательства). Наиболее эффективной является новая политика выселения. Исключение здесь составляют лишь особо агрессивные мужчины, которые по-прежнему несут опасность для женщины и детей [Fröschl, 2003]. У подавляющего большинства женщин проактивное консультирование вызывает положительную реакцию. Остается нерешенной проблема взаимодей-

ствия с правонарушителями, поскольку лишь немногие из них сталкиваются с последствиями сложившейся ситуации или могут быть привлечены в специальные консультационные службы для мужчин.

Начатая в немецкоязычных европейских странах (в Австрии), программа кооперации действий на местах в рамках усовершенствования законодательной базы, защиты пострадавших и привлечения правонарушителей к ответственности через суд, реализуется по образцу первого проекта такого типа – Проекта вмешательства в бытовое насилие (Domestic Abuse Intervention Project = DAIP), реализованного в 1980-х годах в г. Дулуте (штат Миннесота, США) [Duluth Project Team, 1994]. Наиболее актуальными являются проблемы, связанные:

- с положением иммигранток, подвергающихся насилию со стороны мужчин, зачастую вследствие неустойчивости правового статуса;
- а также (по крайней мере, в Германии) с положением детей, ставших свидетелями или пострадавшими от насилия в семье вследствие малого количества служб социально-психологической поддержки и недостаточной юридической поддержки в вопросах опеки (что, в свою очередь, приводит к вовлечению детей в силовую игру отца против матери). Права мужчин-агрессоров зачастую остаются без внимания, включая право посещения (ребенка) после расселения, обычно реализуемое социальными службами. Помимо этих проблем, некоторые радикальные активисты женского движения опасаются, что при существующем положении дел есть вероятность потерять достигнутое положение, и что неправительственные женские организации теряют почву под ногами.

Таким образом, открытие убежищ местными силами женского движения дало женщинам возможность укрыться в случае необходимости в безопасном месте. Убежища по-прежнему играют важную роль, гарантируя женщинам безопасность и иную краткосрочную поддержку. Но поскольку цель женского движения всегда состояла в том, чтобы сделать дом безопасным местом, в этом направлении был также предпринят ряд успешных политических мер. Теперь правонарушители обязаны покинуть дом, а женщины имеют право остаться, что подкрепляется правовой системой и новыми формами сотрудничества на местном уровне всех типов учреждений, включая неправительственные организации. Такая политика призвана гарантировать, что поддержка пострадавших от насилия в семье и их безопасность остаются главной задачей.

* * *

Сложность проблемы домашнего насилия, насилия над женщинами и детьми свидетельствует о необходимости комплексной стратегии, главными целями которой являются:

- предотвращение – общественное порицание семейного насилия над женщинами и детьми;

- защита – применение мер правопорядка с целью обеспечения безопасности женщин как в публичной, так и в частной сферах жизнедеятельности; а также привлечение нарушителей правопорядка к ответственности за совершенные деяния;
- обеспечение – учреждение государственных и неправительственных проектов и организаций, оказывающих услуги профессиональной помощи и консультирования.

Список литературы

Becker-Schmidt R. Probleme einer feministischen Theorie und Empirie in den Sozialwissenschaften // Feministische Studien. 1985. № 2. P. 93–105.

BMFSFJ (Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend). Aktionsplan der Bundesregierung zur Bekämpfung von Gewalt gegen Frauen. Bonn: Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend, 1999.

Brückner M. Frauen- und Mädchenprojekte – von feministischen Gewissheiten zu neuen Suchbewegungen. Opladen: Leske + Budrich, 1996.

Brückner M. Gewalt im Geschlechterverhältnis – Möglichkeiten und Grenzen eines geschlechtertheoretischen Ansatzes zur Analyse «häuslicher Gewalt» // Zeitschrift für Frauenforschung und Geschlechterstudien. 2000. № 4. P. 3–19.

Brückner M. Wege aus der Gewalt gegen Frauen und Mädchen. Frankfurt a. M.: Fachhochschulverlag, 2002.

Deutscher Bundestag: Drucksache 14/5429. Gesetzentwurf der Bundesregierung. Entwurf eines Gesetzes zur Verbesserung des zivilrechtlichen Schutzes bei Gewalttaten und Nachstellungen sowie zur Erleichterung der Überlassung der Ehewohnung bei Trennung. Berlin: Deutscher Bundestag, 2001.

Duluth Project Team: Das Duluth Domestic Abuse Intervention Project // «Test the West», Geschlechterdemokratie und Gewalt, Kampagne der Bundesministerin für Frauenangelegenheiten 1992–1993. Wien: Duluth Project Team, 1994.

Egger R., Fröschl E., Lercher L., Logar R., Sieder H. Gewalt gegen Frauen in der Familie. Wien: Verlag für Gesellschaftskritik, 1995.

Egger T. Bedarfsanalyse Frauenhäuser, Zusammenfassung der Vorstudie, im Auftrag der Fachstelle gegen Gewalt des Eidgenössischen Büros für die Gleichstellung von Frau und Mann, Manuskript des Büros für Arbeits- und Sozialpolitische Studien, 2004 // http://www.buerobass.ch/erstaunt_d.html. Обращение к ресурсу: 26.06.2006.

European Council (Expertengruppe zur Bekämpfung von Gewalt gegen Frauen): Abschlußbericht über die Aktivitäten der Expertengruppe zur Bekämpfung von Gewalt gegen Frauen. Straßburg 25.6., (ed.) BMFSFJ // Materialien zur Frauenpolitik. 1997. № 65.

Frankfurter Rundschau. 20.12.1996.

Fröschl E. Domestic Violence Measures and Intervention Projects in Austria // Social Work in Europe. 2003. № 1. P. 26–31.

Gillioz L., De Puy J., Ducret V., Belsler K. Gewalt in Ehe und Partnerschaft in der Schweiz – Resultate einer Untersuchung // Schweizerische Konferenz der Gleichstellungsbeauftragten (Ed.). Beziehung mit Schlagseite. Bern: eFeF, 1997. P. 13–76.

Godenzi A. Gewalt im sozialen Nahraum. Frankfurt a. M.: Helbing & Lichtenhahn, 1996.

Hagemann-White C. Strategien gegen Gewalt im Geschlechterverhältnis // Hagemann-White C., Kavemann B., Ohl D. (eds). Parteilichkeit und Solidarität. Bielefeld: Kleine, 1997. P. 15–116.

Kavemann B. Kinder als Zeugen und Opfer häuslicher Gewalt // Fachforum Frauenhaus (Ed.). Das Frauenhaus macht neue Pläne. Dokumentation der AG Frauenhäuser der BAG Freie Wohlfahrtspflege, 2000. P. 32–41.

Kavemann B., Leopold B., Schirrmacher G., Hagemann-White C. «Wir sind ein Kooperationsmodell und kein Konfrontationsmodell». Ergebnisse der wissenschaftlichen Begleitung zum Berliner Interventionsprojekt gegen häusliche Gewalt. Stuttgart, 2000.

Kelly L. How Women Define Their Experiences of Violence // K. Yllö, M. Bograd (eds). Feminist Perspectives on Wife Abuse. Newbury Park, CA: Sage, 1998. P. 114–132.

Kortendiek B. «Global voice – local action» – Oder wie kam das Frauenhaus nach Duisburg? // Zeitschrift für Frauenforschung und Geschlechterstudien. 2001. №1–2. P. 138–150.

Levinson D. Family Violence in Cross-Cultural Perspective // V. B. Hasselt et al. (eds). Handbook of Family Violence. N. Y.: Plenum Press, 1988. P. 435–455.

Römkens R. Prevalence of Wife Abuse in the Netherlands // Journal of Interpersonal Violence. 1997. № 1. P. 99–125.

Schrötte M. Politik und Gewalt im Geschlechterverhältnis. Bielefeld: Kleine, 1999.

United Nations: The Beijing Declaration and the Platform for Action, Fourth World Conference on Women Beijing, China, 4–15 September 1995. N. Y., 1996.

Walker L. The battered woman syndrome. N. Y.: Springer, 1984.

Wichterich C. Strategische Verschwisterung, multiple Feminismen und die Globalisierung von Frauenbewegungen // I. Lenz et al. (eds). Frauenbewegungen weltweit. Aufbrüche, Kontinuitäten, Veränderungen. Opladen: Leske & Budrich, 2000. P. 257–280.

Маргрит Брюкнер

PhD, Профессор, Университет прикладных наук,
Франкфурт-на-Майне, Германия

электронная почта: brueckn@fb4.fh-frankfurt.de

(Пер. с англ. Ю. Мавриной, под ред. М. Ворона)